

ЛЕПЕХОВА Елена Сергеевна

д.филос.н., с.н.с., Отдел истории и культуры Древнего Востока
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Буддийская эзотерическая теория языка в школе кокугаку

ТЕЗИСЫ

В данном исследовании рассматривается эзотерическая версия происхождения японского языка, выдвинутая буддийским монахом Кэйтю 契沖 (1640–1701), считающимся основателем национального культурно-философского движения *кокугаку* 國學, возникшего в период Токугава. В своём основном труде «Маньё дайсёки» 万葉代匠記, опираясь на созданный им свод орфографических правил для записи слов японского языка *канадзукай* 仮名遣い, Кэйтю пытается доказать несостоятельность прежней системы Фудзивара Тэйка и одновременно раскрыть эзотерическую природу структуры речи. Согласно Кэйтю, пятьдесят знаков японского алфавита составляют единую целостную систему, в которой все звуки ведут своё происхождение от изначального санскритского знака «А». В этом проявляется взаимосвязанная связь между микрокосмом и макрокосмом, выражающаяся в звуках, формирующих язык, как инструмент общения и понимания, в чем проявляется универсальность природы космического Будды Вайрочаны. Поскольку, в концепции Кэйтю, изначально японский язык и санскрит произошли из одного источника – космического тела Будды, то японская традиционная поэзия вака может быть приравнена к эзотерическим текстам-дхарани. Короткое по форме, но полное разных смысловых значений, основанных на игре слов, стихотворение танка (или хайку) по сути ничем не отличается от дхарани, которое несколькими базовыми звуками передает сущность целой сутры. В целом, и вака и дхарани служат лишь одной цели: показать взаимосвязанность всего сущего и тем самым раскрыть его изначальную пустоту. На основании этой метонимической связи Кэйтю делает вывод о том, что изучение структуры японского языка равнозначно познанию мира в качестве сакрального объекта и, соответственно, формирует более рациональный и открытый подход к пониманию сути классической японской литературы, что выгодно отличает его от замкнутой линейной традиции, принятой в эпоху Хэйан. Дальнейшее изучение «Маньё дайсёки» представляет особый интерес для исследователей школы *кокугаку*, поскольку может дополнить сведения о буддийских истоках этого направления, чьи последователи затем, напротив, отрицали позитивное влияние буддизма на японскую культуру и вовсе предпочитали не упоминать Кэйтю, как патриарха традиции *кокугаку* (например, Хирата Ацутанэ). Также это может пролить свет на вклад буддийской философии в формирование традиции научного эмпиризма в Японии конца XVII в.